

Ной Стилиски был очень занятым человеком, который серьезно относился к своей работе, хотя в большинстве случаев все выглядело относительно нормально, ведь в таком маленьком городке, как этот, ничего особенного произойти не может.

Но в большинстве случаев происходило что-то неожиданное, без всякой причины. Хотя таких случаев было мало, и они почти не повторялись за годы его службы в полиции, но каждый раз, когда это происходило, это всегда было что-то, что его задевало или не соответствовало тому, что он бы назвал "естественным" явлением.

Он помнил, что произошло все эти годы назад, особенно событие в день смерти его жены и связанные с ним инциденты, поэтому, как бы он ни смотрел на это, нынешний случай вызывал у него те же чувства.

Он не был суеверным человеком, но доверял своей интуиции, и одного этого было достаточно, чтобы действовать с максимальной осторожностью, уделяя максимум внимания мельчайшим деталям, потому что, если из прецедента можно что-то почерпнуть, это дело, скорее всего, станет еще одним нераскрытым, на что он очень надеялся.

Несмотря ни на что, он постарается сделать все возможное для этого, казалось бы, необычного дела. Без этого он не станет шерифом.

Ему бы не помешала бутылка виски в любой момент.

Выйдя из оцепенения, он переключил свое внимание на тринадцатилетнего мальчика в своем кабинете и сорокалетнего водителя грузовика, который его привез.

"Сверху, пожалуйста", - сказал он, обращаясь к водителю грузовика и не отрывая взгляда от ребенка.

"Да, меня зовут Гиггз. Как я уже сказал девушке, я ехал из соседнего города, так как доставлял пиломатериалы в Олд-Уиллс, а через две мили чуть не столкнулся с мальчишкой, который вышел прямо из природного заповедника округа Бикон. Он стоял, как олень, пойманный в канун Рождества, весь замерзший и тощий. Господи, помилуй парня. Он был немой с тех пор, как я его подобрал".

"Боже, клянусь, некоторые люди просто больны на всю голову, они даже не могут пожалеть ребенка в том дерьме, которым занимаются".

Услышав это, Ной нахмурил брови. Похоже, все было гораздо серьезнее, чем он думал.

Глядя на мальчика, который казался не в себе, он почувствовал злость. Хотя на его лице и осанке не было никаких внешних признаков насилия, это не означало, что мальчик не прошел через что-то отвратительное. Физические пытки, хотя и были самым распространенным видом насилия, но не единственным. Судя по потерянному взгляду мальчика, он мог предположить эмоциональное насилие, пренебрежение и отказ от ребенка или похищение.

Прежде всего он должен был проверить психическое здоровье парня, надеясь, что тот держится молодцом, а затем послать кого-нибудь проверить алиби Гиггза в городе и за его пределами.

"Привет, сынок, как думаешь, сможешь назвать свое имя?" легкомысленно спросил он у парня, который, казалось, собирался ответить, но в задумчивости нахмурил брови.

Он подождал несколько мгновений, прежде чем парень поднял голову и покачал ею. Он тут же нахмурился при виде этого.

Амнезия: Если это так, то дело, вероятно, серьезнее, чем он думал. Хотя за годы работы он сталкивался с несколькими случаями амнезии, их можно было пересчитать по пальцам одной руки, и у него еще оставались свободные пальцы.

Амнезию могут вызвать разные вещи. Удар по мозгу с достаточной силой, чтобы не только нанести физический ущерб, но и нарушить работу нервных окончаний гиппокампа, в результате чего эпизодические воспоминания остаются запертыми без возможности доступа к ним. Восстановиться после такого довольно просто: удар по мозгу, хотя и не рекомендуется применять тупую силу, так как это может еще больше повредить мозг, иногда срабатывает, или же нужно попытаться вернуть воспоминания, пережив прошлые сценарии или находясь в спокойной обстановке, что облегчает доступ к заблокированным воспоминаниям.

Если это было так, то, возможно, со временем ребенок смог бы вспомнить. Но как он ни старался, он не смог обнаружить на голове мальчика никаких следов физического насилия, и это самое страшное.

Амнезия, вызванная травмой. Вот тут-то дерьмо и уклоняется от вентилятора и бронирует премиум-люкс на потолке.

Для лечения этого типа амнезии требуется не только время и тщательный уход, но и подсознательное принятие этой травмы, при этом мозг не только требует от сознания сделать вышеупомянутую травму менее травмирующей, но и сохранить сознание спокойным. Другими словами, дерьмо падает с потолка и попадает в вентилятор.

Остановив его мысли, он снова заговорил: "Ладно, сынок, успокойся и постарайся вспомнить свое имя. Медленный вдох, сынок. Медленное дыхание".

И снова его встретило покачивание головы. Теперь это вызывало беспокойство.

Забыть что-то столь инстинктивное, как имя, иногда говорит о том, насколько глубоко укоренилась его амнезия. Он также проверил, нет ли у него признаков дискомфорта, но не обнаружил ничего выразительного, что, скорее всего, означает, что травма, от которой он страдал, была получена из внешнего источника.

Заглянув глубже, он проверил: "А как насчет того, откуда вы родом?"

Помните о глубоком дыхании".

Услышав тихие вдохи мальчика, он проследил за выражением его лица.

Кроме нескольких подергиваний бровей, которые можно было истолковать широко, больше ничего, кроме покачивания головой.

"А как насчет твоих родителей? Можешь ли ты их вспомнить?"

И снова несколько подергиваний и ничего, но он заметил, как на его лбу выступили мелкие бисеринки пота. Еще чуть-чуть.

Следующим вопросом он подбросил мяч поглубже: "А как насчет вашего дома? Вы помните, откуда вы родом?"

Вместо случайного подергивания и покачивания головой он получил резкое хрюканье, переросшее в крик боли.

Он тут же бросился обнимать ребенка, чтобы хоть как-то успокоить, поглаживая его по голове: "Все хорошо, сынок, все хорошо".

"Ух ты! Должно быть, там, откуда он пришел, было дерьмово", - сказал Гиггз с грустным выражением лица.

"Да уж. Я объявлю парня в розыск в радиусе десяти миль до самой границы. Надеюсь, мы найдем кого-нибудь, но я не слишком оптимистичен".

"А? Почему?"

"Потому что мы не знаем, как давно он пропал и из какого он штата. Если он пропал недавно, то я думаю, что все еще в процессе, но если бы это было давно, хотя бы неделю назад, или если бы он был из соседних городов, то я бы получил информацию о пропавшем ребенке, но..."

"Пока никто не звонил". вмешался Гиггз.

"Да, - вздохнул он, - но перед этим нам нужно провести с ним тест. Сомневаюсь, что переохлаждение и недоедание - это единственное, от чего он пострадал. Нам еще нужно сделать сканирование мозга, чтобы понять, насколько сильна его амнезия".

"Я вас понимаю. Можно подумать, что у людей еще хватает порядочности пожалеть ребенка, но они только усложняют жизнь малышам. Не знаю, во что мы превратили мир".

"Ну, шериф, спасибо за ребенка, но я, пожалуй, пока уйду от вас. Мне еще нужно отбуксировать эти пиломатериалы".

Ной пожал руку Гиггзу и вывел его из офиса с маленьким мальчиком на руках.

Взяв мальчика за руку, он направился к стойке регистрации, а затем окликнул стоявшую там женщину-полицейского.

"Эй, Симона, мне нужно, чтобы ты проверила, нет ли в радиусе 10 миль объявления об объявлении в розыск кого-нибудь с описанием, соответствующим этому ребенку".

Повернувшись, чтобы уйти, он остановился у двери и продолжил.

"Когда закончите, отвезите его в больницу, чтобы его проверили на наличие любых признаков болезни или заболеваний, которые он мог получить в результате воздействия, а также на переохлаждение и амнезию". Сказав это, он повернулся к ребенку, который спокойно осматривался по сторонам, и произнес.

"Сынок, как ты думаешь, ты можешь подождать здесь с ней, чтобы она могла тебя осмотреть?" Он спросил, не зная, будет ли ребенок рад знакомству с большим количеством новых людей за короткий промежуток времени, чтобы не разволновать его. Но, к его облегчению, мальчик просто кивнул головой в знак согласия.

Еще раз оглядев мальчика на предмет признаков дискомфорта или волнения, он кивнул Симоне и ребенку, после чего вернулся в свой кабинет, чтобы просмотреть все последние сообщения о похищениях и пропаже людей, а также сделать несколько звонков.

Сегодняшний день будет долгим, и он знал это. Он просто не мог дожидаться, когда вернется домой, выпьет воды и, возможно, послушает бредни своего сына.

...

Он не знал, как, но он мог понять этих людей. Он не понимал, что они говорят, но отвечал самым примитивным способом, на который был способен. Что означал его ответ? О чем они спрашивали? Он не знал.

Он не знал, но мог понять. Он действовал инстинктивно, отвечал то, что первым приходило ему в голову. Хотя он не совсем понимал, на каком языке они говорят, он знал, что они имеют в виду.

Его имя.

Его родители.

Откуда он родом.

Он пытался узнать больше, понять больше, но просто не мог. Поэтому, как всякий первобытный инстинктивный зверь, он предоставил себя природе. Поскольку первые воспоминания приходили к нему вспышками, возможно, со временем он увидит образы и тогда полностью вспомнит, кто он такой.

Он оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как шприц прокалывает его кожу и берет кровь. Он не знал, почему, но все это не вызвало у него паники. Он больше паниковал в грузовике, чем в присутствии этих незнакомцев.

Врачи.

Эта одинокая мысль придала ему уверенности, в которой он так нуждался. Он не понимал, что означает термин "врачи", но он был здесь. Уверенность в том, что эти "врачи" не причинят ему вреда. Точно так же он чувствовал себя на "станции". Он надеялся, что скоро все вспомнит.

Пока он предавался внутренним размышлениям, далеко в больнице, в тускло освещенной комнате, сидел на инвалидном кресле человек со шрамами от ожогов, испещрявшими половину его лица. Он сидел с безжизненным взглядом.

Пожалуй, единственным признаком того, что он жив, было его медленно бьющееся сердце.

В этот момент сердцебиение участилось, и в его мертвые глаза на мгновение вернулся свет. Его глаза засияли, вопреки всему естественному, лазурно-голубым светом, который очень ярко освещал темную комнату. Через некоторое время он вернулся к своему обычному голубому цвету, так как он снова померк из-за отсутствия сознания.

Он снова сидел, ничем не отличаясь от мертвеца, кроме бьющегося сердца. Все его мысли были никому не известны.

...

Пока мальчик был с ним, он только сидел и слушал, что говорят "врачи", пытаясь хотя бы понять смысл произносимых ими слов.

Закончив с тестом, женщина-полицейский отвезла его обратно в участок, прямиком в офис

шерифа, где выдала заключение, что, кроме голода и относительной амнезии, с ним все в порядке.

В зависимости от обстоятельств это можно рассматривать как хорошее или как плохое. Надеюсь, его похитили, а потом бросили в лесу, а это значит, что его, по крайней мере, ищет семья.

"Симона, мне нужно, чтобы ты сказала Полу и Таллману взять несколько мальчиков и прочесать лес вокруг заповедника Бикон Каунти в радиусе 5 км. Если его похитили и он сбежал или его бросили, они должны были отнести его в лес, чтобы выбросить". приказал Ной.

Затем он продолжил: "Нам нужно все, что мы сможем найти. Следы, отпечатки ног, что угодно". Он вздохнул.

Как, черт возьми, они собирались найти след, ведущий бог знает куда, посреди леса. Им больше повезло бы найти отпечаток бигфута, чем след предполагаемого похитителя.

Если его действительно похитили, то дело будет раскрыто довольно быстро, как только они объявят об этом или услышат ответ от соседей, но если его просто бросили, то это само по себе еще больше портит дело.

"Были ли какие-нибудь щелчки при сканировании крови?" спросил Ной, поскольку, если ребенок случайно был из Бикон-Хиллз, у него мог быть анализ крови, и, поскольку в больнице велись записи, он мог бы определить, чей это ребенок.

"Нет, сэр". ответила Симона и повернулась, чтобы уйти, чтобы выполнить приказ шерифа.

Проводив ее взглядом, он снова вздохнул.

"Мне сейчас очень нужна бутылка".

<http://tl.rulate.ru/book/102962/3565445>